

Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы»

Память не терпит пустоты

**(рассказ о трех братьях Апенкиных
из деревни Белая Гора Седельниковского района Омской области,
участниках Великой Отечественной войны)**

Автор

**Лось Наталья Викторовна (46 лет),
начальник миграционного пункта
ОМВД России по Седельниковскому району,
646480, Омская область,
Седельниковский район,
с. Седельниково,
ул. Калинина, д. 24, кв. 5**

Седельниково, 2021

Память не терпит пустоты

27 августа 2020 я посетила отдел пенсионного фонда в Седельниково, чтобы найти в их архивах пенсионные дела поспеловских братьев Анисимовых, чтобы почерпнуть из них новую информацию об их участии в Великой Отечественной войне. К моему сожалению, таких дел там не оказалось, зато я увидела знакомую фамилию Апенкин. С такой фамилией два человека занесены на мемориальный стенд погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне в селе Унара – Апенкин М.Н. и Апенкин Л.Н.

Мне стало интересно, и я открыла архивное пенсионное дело №217 от 15 июля 1946 года на пенсионера, получавшего пенсию по инвалидности, Ивана Никифоровича Апенкина. Первый лист в деле, уже пожелтевший от времени и с обломанными краями, оказался заявлением в Седельниковский райсобес от Апенкина Ивана Никифоровича, написанным синими чернилами аккуратным почерком кем-то, потому что у Ивана была ампутирована правая рука в результате тяжелого ранения на фронте. Цитирую его полностью: «Прошу рассмотреть мое заявление о ниже следующем. Я являюсь инвалидом 1 группы, получил инвалидность в Отечественной войне. Прибыл в июне месяце домой с провожатым. Продуктов питания у моих старых родителей нет, так что прошу выдавать мне государственный паек. Семья моя такова: отец имеет 60-летний возраст, инвалид 2 группы. Матери 57 лет, брату 15 лет. Одна сестра является в нашей семье трудоспособной. Прошу не отказать в поддержке питания. Прошу Вас выдавать паек на мать, она ухаживает за мной. Без человека прожить я не могу, мне нужен уход. Также прошу дать паек на отца. Родители мои питаются травой. Прошу скорее не задерживать. Коровы у моих родителей нет. Прошу выделить мне масло. Посылаю справки от сельсовета и справку об инвалидности. Прошу назначить мне пенсию. В чем расписался Апенкин И.Н.»

Грустная картина. Наверное, после войны тысячи семей находились в бедственном положении, прося помощи у государства, за благополучие которого проливали кровь на фронте.

После этого я внимательно изучила всё пенсионное дело Ивана Никифоровича Апенкина и вот что узнала: родился он в 1923 году в деревне Белая Гора Унарского сельского Совета Седельниковского района Омской области. Состав его семьи указан такой: отец – Никифор Васильевич, 1886 года рождения, мать Анастасия Ефимовна, 1889 года рождения, сестра Матрена, 1927 года рождения и брат Василий, 1930 года рождения. Иван в школе проучился лишь один год. В 1941 начал трудовую деятельность в должности бригадира полеводческой бригады в колхозе «Красный Воин» Унарского сельского Совета. Успел поработать год, так как в марте 1942 года его призвали на фронт. В справке председателя колхоза деревни Белая Гора Унарского сельсовета Артюхова было записано, что «...Иван к работе в колхозе относился добросовестно».

Имеется в деле и объяснение от Ивана Никифоровича о том, как он стал инвалидом войны, тоже написанное каким-то добрым человеком. Передаю его дословно: «Я был взят в армию 10 марта 1942 года. Служил я в городе Омске два месяца при воинской части №7605 в подразделении химвзвода 39 стрелкового полка 339 стрелковой дивизии. Потом нас отправили в лагерь Черемушки. Прозанимались мы там один месяц при этой же части, полка и дивизии. Затем нас отправили в Саратовскую область на станцию Татищево, село Языковка. Прозанимались мы там три месяца в этой же части, полке и дивизии. После трехмесячного обучения нас отправили на фронт на станцию Котлубань, и пробыли мы там 15 дней. Затем нас перебросили на три дня на отдых в Камышино. После трехдневной формировки перебросили нас на защиту Сталинграда, и целый месяц я был на защите города при этом же полку и дивизии. После тяжелых боев попал в плен. Раненый был в правую руку, в кисть и правую ногу, голеностопный сустав, и в бедро правой ноги. Конечно, были тяжелые бои, так что мне помощи не оказали до тех пор, пока не зашли немцы. И немцы взяли меня в плен 15 октября 1942 года. И с этим я остался в немецком плену раненый, и там я получил инвалидность».

Есть в деле также справка, датированная 13 июня 1946 года, выданная начальником эвакуационного госпиталя №2806 Хайкиным, в которой записано, что Апенкин Иван Никифорович является инвалидом I группы Великой Отечественной войны, что он находился на излечении в эвакуационном госпитале №2806 с 22.02.1943 по 12.06.1943 с диагнозом (остеомиелит ребер справа, грудной клетки, остеомиелит костей правой стопы, недееспособный правый голеностопный сустав, ампутация, культя выше 1/3 предплечья), что он нуждается в стационарном лечении. Также в этой справке указано, что Иван находился на лечении в разных госпиталях по август 1945. Вердикт доктора: «Выполнять никакую работу не может, нуждается в постоянном уходе».

Не успев толком повоевать против фашистских захватчиков, побывав в немецком плену как минимум четыре месяца в условиях суровой степной зимы, в 19 лет парень стал инвалидом. Судя по датировке документов при ликвидации кольца под Сталинградом, Иван Никифорович был освобожден и в феврале 1943 направлен на лечение уже в наш госпиталь. Пока шла война, он в разных лечебных учреждениях проходил восстановление и в итоге был отправлен домой умирать. Такая страшная участь постигла многих советских бойцов, молодых и старых, получивших увечья в той ужасной войне.

Узнаю далее из пенсионного дела, что Ивану назначили пенсию по инвалидности в сумме 310 рублей. Но недолго пришлось ее выплачивать. Он умер 11 мая 1947 года в возрасте 24 лет от последствий тяжелого ранения, полученного на фронте. Похоронен ветеран на унарском кладбище, но почему-то на мемориальном стенде записан с другими инициалами – Апенкин К.Н. Думаю, что при оформлении стенда допустили банальную ошибку в написании имени и вместо «И» выбили «К». Этого можно было избежать, если бы вместо инициалов на мемориальную доску вносились

полностью имя и отчество. Райсобес в 1947 году выплатил родителям на похороны Ивана 100 рублей.

Подтверждение некоторым скудным фактам, изложенным в пенсионном деле Ивана, я нашла на сайте «Память народа»: «Апенкин Иван Никифорович, 22 июня 1924 года рождения, (год рождения прибавлен), Омская область, д. Белая Гора. Красноармеец, попал в плен, содержался в шталаге VI К, лагерный номер 165237». Указан здесь и номер стрелкового полка – 326, но после проверки боевого пути подразделения, в составе которого был полк с таким индексом – 21 стрелковой дивизии – выяснилось, что оно никогда не было под Сталинградом, а до середины 1944 года воевало на Карельском фронте. Такое уже не раз встречалось в работе с лагерными документами: бойцы, вероятнее всего, сознательно искажали номер своего полка. А вот 339 стрелковая дивизия, о которой выше упоминал Иван Никифорович, действительно сражалась на Сталинградском направлении, правда южнее города.

Далее мне захотелось узнать, являются ли родственниками Ивану два человека с такой же фамилией, занесенные на мемориальный стенд в селе Унара со списком тех, кто погиб и пропал без вести в годы Великой Отечественной войны – Апенкин М.Н. и Апенкин Л.Н. Опять встретилась допущенная при создании стенда ошибка в написании инициалов имени, вместо «Л» надо было вписать «К» – Кузьма.

Выяснилось, что да. Из электронной базы данных Министерства обороны России на сайте «Память народа» я выписала следующее (кстати, и тут не обошлось без разночтений в фамилиях братьев: у Кузьмы – Опенкин, а у Михаила – Аненкин): «Опенкин Кузьма Никифорович, 1918, Омская обл., Седельниковский р-н. Был призван на фронт военкоматом Седельниковского района. Рядовой, пулеметчик. Служил в 30 гвардейском стрелковом полку 7 гвардейской стрелковой дивизии 1 гвардейского стрелкового корпуса Северо-Западного фронта. Был убит 6 февраля 1942 года. Похоронен у деревни Коровитчино Залучского района Ленинградской (ныне Новгородской) области». «Аненкин Михаил Никифорович, 1925 года рождения, Омская обл. Призван Седельниковским РВК. Младший сержант. Стрелок. Беспартийный. Последнее место службы – штаб 41 стрелковой дивизии. Был убит 6 февраля 1944 года. Похоронен в 400 метрах восточнее деревни Петровичи Домановичского района Полесской области Белорусской ССР».

В донесении о безвозвратных потерях в графе «Имя, отчество и фамилия жены или родителей» у Кузьмы указан отец Никифор Васильевич Опенкин, а у Михаила мать – Анастасия Ефимовна Аненкина. В графе «Адрес места жительства родственников» у обоих указан одинаковый: Омская обл., Седельниковский р-н, д. Белая Гора.

Увековечены братья и в нашей областной Книге памяти и тоже с таким же разночтением в написании фамилий. На странице 187 восьмого тома один учтен как: «Опенкин Кузьма Никифорович, р. 1918. Рядовой, пулеметчик 7 гвардейской стрелковой дивизии; погиб 6.02.42, похоронен в д. Коровитчино

Старорусского р-на Новгородской обл.». А про второго погибшего брата на странице 152 этой же книги есть такая запись: «Анекин Михаил Никифорович, р. 1925, д. Белая Гора. Младший сержант, стрелок, полевая почта 39819; погиб 6.02.44, похоронен в Гомельской обл., Беларусь».

Никто из братьев Апенкиных не был награжден орденами и медалями за участие в войне с фашистским оккупантами. Так пусть наградой им будет наш низкий поклон до земли и вечная добрая память о них. Тем более, что потомки для этого сделали немало. Так, седельниковский поисковик Валентина Ивановна Иванова за два года переписки добилась увековечения имени Михаила на воинском захоронении №3805 в деревне Чернин, куда были перезахоронены его останки из-под деревни Петровичи. Мемориальная плита с его именем появилась здесь 9 мая 2017 года. Рассказ об это есть во 2 и 3 томах нашего сборника. Памятником братьям станет и эта статья в 5 томе книги «А вслед нам токовали глухари», хотя изначально у меня и в мыслях не было того, чтобы написать рассказ про Апенкиных. Но, видимо, судьбе было угодно, чтобы земляки вспомнили про братьев-фронтовиков из деревни Белая Гора – Кузьму, Ивана и Михаила, поэтому она и передала мне в руки пенсионное дело Ивана Никифоровича.

Послесловие. Время показало, что я поторопилась поставить точку в рассказе про Апенкиных, благополучно отправив его в начале сентября 2020 года главному редактору книги «А в след нам токовали глухари» Алексею Владимировичу Бастрону. Через несколько дней после этого, совершенно не думая про Апенкиных, он передает мне фотографии участников ВОв Седельниковского района из их фототеки с предложением посмотреть снимки, и, может быть, я по фотографии смогу написать о ком-нибудь рассказ. Я согласилась, а про себя подумала: «Вряд ли я кого-нибудь узнаю на фото». Не сразу, но все-таки я открыла папку с фотографиями, они располагались в алфавитном порядке. Почти в самом начале списка я увидела черно-белое фото, на котором красовалось трое молодых парней в военной форме. «Невероятно!», - воскликнула я, увидев на фото своего деда Автушкина Ивана Григорьевича, а рядом с ним стоящего Апенкина Кузьму Никифоровича. Третий парень на фото с гармошкой в руках был из Богомели Козлов Иван Степанович (это я узнала уже позже). В моей голове сразу возникло много вопросов: «Как мой дед мог оказаться вместе с Апенкиным Кузьмой? Неужели вместе служили? Разница в возрасте у них 3 года. Дед и Иван Козлов вернулись живыми. Неужели и Кузьма вернулся живым?». Чтобы найти ответы на свои вопросы, 20 сентября 2020 я поехала в Унару. Выяснила, там живет родная дочь Кузьмы Апенкина - Мотовилова Валентина Кузьмовна, 31 августа 1946 года рождения. К сожалению, с ней не смогла поговорить, она сильно злоупотребляет спиртными напитками. Зато поговорила с зятем Кузьмы – Васюковичем Леонтием Григорьевичем, 13 февраля 1946 года рождения, который был женат на старшей дочери Кузьмы – Апенкиной Анне Кузьмовне, 05 августа 1944 года рождения. Но она в 2011 году умерла. От него я узнала, что Апенкин Кузьма Никифорович вернулся с войны в 42-ом израненный, но живой. Женился на своей землячке из Белой

Горы Еве Герасимовне, 21 марта 1920 года рождения. Она родила ему кроме Анны и Валентины еще двоих детей: Клавдию, 10 октября 1948 года, которая в юности обучалась в Тарском педагогическом училище, и Ивана 20 марта 1951 года. К несчастью, еще молодым он утонул в реке. Пожил Кузьма Никифорович мало, всего до 35 лет, умер 11 июня 1954 года от малокровия. Похоронили на унарском кладбище. Кстати, его фамилия и инициалы записаны там на мемориальном стенде среди других захороненных фронтовиков. (Когда я писала про брата Ивана, указала, что его инициалы записаны ошибочно. А оказывается, Ивана вообще в списке захороненных нет, а есть только Кузьма). После смерти мужа Ева Герасимовна в 1981 году уехала жить в село Никольск Усть-Ишимского района Омской области, где и умерла в 1994 году.

Мне оказалось мало услышанного, и я попытала счастье снова в архиве пенсионного фонда. Мне повезло: я нашла там пенсионное дело семьи умершего инвалида отечественной войны Опенкина Кузьмы Никифоровича. А в нем было подшито свидетельство о болезни № 648 от 19.04.1942, выданное комиссией эвакогоспиталя № 1502, в котором солдатик лечился с 16 апреля 1942 по 28 мая 1942. Из этого свидетельства я также узнала, что Кузьма был колхозником, беспартийным. Служил в армии с 1939 года. Был рядовым 30 гвардейского стрелкового полка.

15 января 1942 года 30 гвардейский стрелковый полк 7 гвардейской стрелковой дивизии в составе 1-го гвардейского стрелкового корпуса был отправлен на Северо — Западный фронт в район Крестцы Ленинградской области (ныне Новгородской области) для участия в Демянской наступательной операции. Боевые действия там велись в исключительно тяжелых условиях лесисто-болотистой местности, холодной и снежной зимой. Очень мало дорог и вообще направлений, пригодных для действия больших масс войск. Распутица при оттепели делала их непроходимыми. Подвоз то и дело нарушался. Зима выдалась суровой, снежной. Войскам, двигавшимся вперед, приходилось с великим трудом прокладывать траншеи в огромных снежных напластованиях. Сосредоточение войск проходило в тяжелых условиях. Они двигались по одной заснеженной дороге. На переходе тылы, артиллерия и танки отстали от стрелковых соединений. Прибывавшие части были недостаточно укомплектованы автотранспортом и слабо обеспечены боеприпасами, горючим, теплым обмундированием, валенками, продовольствием, фуражом. Особенно плохо были обеспечены части 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора А. С. Грязнова.

22 января 1942 года 7 гвардейская стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Красные Станки, Дорожно, Мирославль, Кушеверы (*восточный берег озера Ильмень, Крестцовский район Новгородской области*).

25 января 7 гвардейская стрелковая дивизия в составе 1-го гвардейского стрелкового корпуса получила задачу прорвать оборону противника в районе Князево, Стариково (*между Ст. Руссой и Парфино*) и, продолжая наступление в южном направлении на Залучье, завершить окружение противника в районе Демянск.

29 января 1-й гвардейский стрелковый корпус, не завершив полностью сосредоточение (не прибыли одна стрелковая и одна танковая бригады, корпусная артиллерия, подразделения тылового обеспечения), был поспешно введен в сражение. Он начал наступление одновременно в южном (7-я гвардейская стрелковая дивизия) и восточном направлениях в полосе шириной до 40 км. Со стороны противника здесь действовали хорошо укомплектованные 30-я пехотная дивизия и срочно переброшенная с северного фаса Демянского выступа моторизованная дивизия СС «Мертвая голова».

В ночь на 30 января части 7 гвардейской стрелковой дивизии, следуя в первом эшелоне, прорвали линию обороны противника и овладели населенными пунктами: Князево, Чириково, Зубакино, Сергеево и Находно (*южнее Парфино, на западном берегу р. Ловать*). Штаб дивизии в Киево, жд разъезде между Ст. Руссой и Парфино.

В одном из этих кровопролитных боев с немцами 31 января 1942 Апенкина Кузьму ранило осколком в правое бедро. В результате этого ранения атрофировались мышцы правой голени и сгибание правой стопы стало невозможно.

Итогом этих сражений с 29 января по 05 февраля 1942 потери по 30 гвардейскому стрелковому полку были такие: убито 178 человек, ранено 991 человек, пропало без вести 183 человека. С 5 по 10 февраля 1942 года 30 гвардейский стрелковый полк продолжил бои за Коровитчино, но уже без участия Апенкина Кузьмы Никифоровича.

Немудрено, что в неразберихе его причислили к убитым. А на самом деле он был все-таки раненый доставлен в госпиталь.

Решением комиссии эвакогоспиталя Кузьму признали негодным к воинской службе с переосвидетельствованием через год. Седельниковским райсобесом ему была назначена пенсия как инвалиду Отечественной войны 01 октября 1944.

Вот такая метаморфоза случилась с Апенкиным Кузьмой Никифоровичем. Его земляки и не знали, что в официальных источниках он значится убитым в бою в феврале 1942. А он оказался живее всех живых. Не узнали бы об этом и мы, если бы не случайный случай. Кстати, то, что Кузьма служил вместе с моим дедом Автушкиным Иваном Григорьевичем, может послужить мне отправной точкой в поиске боевого пути деда. Ведь до этого я мало знала о фронтовой биографии моего дедушки.

Апенкин Кузьма Никифорович